

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Просто правдивая история. Часть третья

На следующее утро в школу мы пришли раньше на пол часа, чтобы Серега успел списать «домашку». Естественно в учебники он за выходные не заглядывал (а заглядывал ли вообще когданибудь?). Оставалось молиться, чтобы его не вызвали. Слава Богу, пронесло. Идя домой после школы, как обычно, завели разговор о музыке. Серега глянул на меня удивленно: «Какая нахрен музыка? Уроки давай делать».

Впряглись мы не на шутку. Весь вечер висели на телефоне. Пришлось объяснять не только сегодняшние уроки, но и вспоминать за прошлые годы, которые он с успехом прогулял. — Телефон уже свободен? — часам к десяти спросила мать, улыбаясь. — Думаю, да — ответил я. Мама, естественно, позвонила тетя Свете. Они долго шептались. Явно они говорили о нас, потому что, периодически мама бросала взгляды в мою сторону.

Не поверите, Серега так рьяно взялся за учебу, что удивил даже учителей, а географичку (наша «классная» кстати) так просто «порвал». Выслушав его практически безупречный ответ о полезных ископаемых, географических ландшафтах, исторических достопримечательностях, и т. д. не помню, уже какой страны вдруг спросила. — Ты что иммигрировать собрался? Пятерку поставить, учитывая твои прошлые заслуги, не могу, но на «четверку» ты наработал. Класс неодобрительно загудел. — Ну, хорошо, хорошо. Отвечаешь на дополнительный вопрос — ставлю «отлично»». Серега каким-то чудом ответил на все вопросы и под аплодисменты класса вернулся на место. Еще бы — первая «пятерка» за, не знаю даже сколько лет.

Так незаметно прошел месяц. В квоту мы свою вкладывались. Вот и последняя суббота. Вдруг объявляют, что химии не будет — химичка заболела, а последним уроком физкультура. Сереге, который всегда «отдувался» за школу на всех спортивных мероприятиях схлопотать «неуд» по физре — это из жанра фантастики. Пришел физрук, выдал нам мяч и выгнал на улицу, чтобы по школе не болтались, не мозолили глаза директору. Мы прогоняли мяч всю химию и на перемене отправились в «курилку». Это место такое за мастерскими, где на перемену все собирались. Кто покурить, кто просто поболтать. — А чего, правда, химичка заболела? — спросил Вован из 10-Б. Вован слыл грозой школы. Рост под метр восемьдесят и брат старший только что вернулся из мест не столь удаленных. Короче, связываться с Вованом никто не хотел. — Аборт очередной наверно делает — продолжал Вован, смачно затягиваясь сигаретой. — А ты, что, свечку держал? — дернул Серегу черт за язык ответить. — Держал, не держал, а брательник рассказывал, снял он ее как-то в кабаке. Трахаются, как кошка. А ты чего вдруг заволновался? — обратился он к Сереге. — Мамашку твою по пьяне тоже чуть было не снял. Знатная у нее жопа. Я бы тоже не отказался — лицо растянулось в ухмылке. Смотрю, Серега побледнел, кулаки сжал. — Ану повтори — сквозь зубы процедил Серега — А то что? — осклабился Вован в ответ — Знаем, знаем. Тоже мне: подружки — поблядушки.

Последние слова Вован уже дожевывал с сигаретой, вошедшей в рот вместе с кулаком Сереги. Удар был класс, но Вован боец тоже неслабый, Короче — понеслась. Когда нас разнял физрук у меня уже разбита губа была, у Сереги — бланш на всю щеку, рубашка порвата.

Всех сразу к директору, классную вызвали. Директор даже слушать не стал — всем за четверть «неуд», родителей в понедельник в школу. Вот так славно мы закончили свой месяц.

— И на кой тебе сдалась эта химичка? — не унимался я, понимая, что сауна наша накрылась медным тазом. Серега только молчал и сопел.

Пришел домой — забросил портфель и включил музон на всю. Настроения — ноль. Тут и мама нарисовалась. Глянула на мое лицо и все поняла. — Что случилось? Что случилось? — неустанно повторяла она, как заведенная. Я смотрел потупившись в окно и молчал как партизан. Она бросилась звонить Сережкиной маме и через пять минут тетя Света вместе с Серегой были у нас на пороге. — Давай рассказывай — безнадежно махнул рукой Серега. Ну я и рассказал как все было — во всех деталях. Воцарилась гробовая тишина. Я заглядывал в лицо мамы, стараясь уловить ход ее мыслей, Серега тихо сидел, уставившись в пол. Из оцепенения всех вывел раздавшийся неожиданно телефонный звонок. — Слушаю Марья Сергеевна» — упавшим голосом произнесла мама. — Ну вот и все. Классная звонит. Вызывает на понедельник наверное — пронеслось в голове. Разговора не было слышно, мы все заворуженно смотрели на маму. Она только кивала головой и повторяла: «Да, Марья Сергеевна, обязательно Марья Сергеевна, спасибо Марья Сергеевна». Разговаривали они долго и мама наконец положила трубку и уставилась на нас немигающим взглядом. — Ну что там? Не томи Ирка — нарушила тишину тетя Света — Мы тут их распинать собрались, а оказывается — они у нас герои — улыбнулась вдруг мама. У меня глаза полезли из орбит от удивления. Никак не ожидал такого поворота событий.

Мама начала рассказывать. Оказывается, после того как мы с Серегой пошли домой, — наши девчонки, у которых на глазах все произошло, пошли к классной и все рассказали, как было. Марья Сергеевна потянула их с собой к директору и те снова все пересказали. Дерик уже отошел немного — выслушал внимательно и расчувствовался. Оказывается, он сам детдомовский, и отношение к матери — это очень большой вопрос для него. Марья Сергеевну попросил перезвонить нашим родителям и извинится, а Вована в понедельник с родителями на педсовет. — Вот так то — закончила мама. — А еще директор просил поблагодарить нас с тобой Светка, что воспитали таких замечательных сыновей. Тетя Света расплылась в улыбке. — Как думаешь, Ир, они заслуживают поощрения? — Подумаем — подмигнула мама тетя Свете.

Вот и пришло долгожданное воскресенье. Мать опять чего-то там наготовила, упаковала в сумки и под вечер мы двинулись в сауну. На улице выпал первый снег и предательски скрипел под ногами. На сей раз через парадный вход пошли мамы, а нам с Серегой пришлось мерзнуть перед секретной дверью, при каждом шорохе шмыгая в кусты. Наконец нас впустили.

В сауне было приятно тепло. Мы быстро разделись, прошмыгнули в парилку. Нахлобучив панамы, расстелили простынь и развалились на верхней полке. Вскоре появились мамы, все в тех же тогах из простыней ниже колен, в панاماх и с вениками. Мы с Серегой полулежали, опершись на локти, как мамы в прошлый раз, с удовольствием вдыхая горячий воздух и наблюдая как по животу начинает струиться пот, собираясь в ложбинке пупка. Мамы глянули мельком в нашу сторону и занялись своим обычным делом. Вот только глаза у мамы как-то необычно блестели. Может показалось? Может освещение такое. Не важно.

Опять колдовство с настойкой (на сей раз эвкалипт), брызганье на горячие камни, пар и блаженная нега от предвкушения будущего удовольствия. Почувствовав, что мама уместилась рядом, я ленивым взглядом скользнул по ее телу. Все было как в прошлый раз: та же панاما, та же простынь. Только на сей раз как-то все было по-другому: раскрепощенней,

по-домашнему что ли. Глаза свободно и открыто скользили по маминому телу (верней простыне), наслаждаясь каждым изгибом. Где-то рядом ворочалась тетя Света, мерно сопел Сережка, смахивая пот с лица.

Идиллия была нарушена громким голосом Сережкиной мамы. — Вы сюда пялиться пришли или париться? — Брысь с полки и взяли в руки веники — рывкнула вдогонку. Мы быстро соскочили, схватили веники в руки и замерли в ожидании. Тетя Света грациозно соскользнула с полки, освобождая место маме. Мама развязала спереди узел и придерживая простынь одной рукой, улеглась на живот и вытянув из-под себя простынь, оголила спину до пояса. — Ну чего ждем? Приступай — обратилась тетя Света к Сережке. Тот подошел поближе и несколько раз неумело «ударил» веником. — Нет. Так не пойдет, Резче и уверенней. Она подошла к сыну со спины, обхватила его руку своей рукой и вместе они начали отрабатывать движения. Тетя Света объясняла по ходу все премудростям финской бани: как нужно замахиваться, как ударять, как нагонять пар. Мамина спина заметно покраснела, пот стекал по ее телу, но она стойко все выносила, время от времени лишь ворочая прикрытой простыней попой, чтобы найти место поудобней. Со стороны наблюдать было прикольно: тетя Света с Сережкой как бы слились в одно тело, ихние руки синхронно двигались вверх-вниз. Но вот сеанс «игры в две руки» был закончен и мама уступила место тетя Свете. Пришла моя очередь. Все повторилось как у предыдущей пары, с одной небольшой разницей. Руки то у меня были подлиней маминых, и ей пришлось буквально повиснуть на мне сзади, чтобы охватить мое запястье. Основные премудрости я уже освоил, но так приятно было чувствовать мамины груди, прижатые к моей спине. Со временем я понял, что «махать» веником не такая уж и простая работа. Устаешь очень быстро, приходится часто менять руки, а потеешь не меньше того, кого паришь. Пот валит из-под панамы, заливая лицо и застилая глаза. Потом мы поменялись. Серегу отпарила тетя Света, а меня — моя мама. — Теперь в бассейн, а мы с тетя Ирой еще попарим наши старушьи кости — сказала тетя Света, выгоняя веником нас из сауны.

Наплававшись вдоволь, мы облокотились о края бассейна и поджидали мам, чтобы не упустить волшебный вид женщин, выбегающих из парной. На сей раз они просто вышли, на ходу поправляя простыни и панамками вытирая пот с лица. Медленно подошли к краю бассейна и, ухмыляясь, уставились на нас. — Чего ждем? Освободили быстро место двум старым, больным женщинам — неожиданно проговорила тетя Света, сопровождая свои слова выразительным жестом. Мы с Серегой недоуменно переглянулись и поплелись к поручням. Перед самой дверью оглянулись — они все так же стояли у края, провожая нас глазами, явно ожидая нашего ухода.

Дверь тяжело закрылась за нами. трусики, но для меня этого было достаточно, чтобы заметить ее волосики, нагло выпирающие по бокам из трусов. Но то, что я видел сейчас перед собой — просто рвало мозг. Намокшие, скомканые — они безобразным жмутом, как пакля (длинной с мою ладонь) висели спереди, закрывая почти половину бедер. Ручейки воды стекали по ним и струились по ногам. Неожиданно все скрылось из виду. Мамина рука, покрытая простыней, принялась витирать, доселе невиданное чудо. Нет, она не промакивала, как тетя Света, а именно вытирала. Широкими, резкими круговыми движениями, как будто втирала там что-то себе. И, о чудо — вместо безобразной пакли там красовалась распушенная огромная копна черных волос.

— И когда ты уже побреешь это безобразие? Подстригла, что ли бы для начала — откуда-то

сбоку раздался голос Сережкиной мамы. — А для кого красоту наводить? — Та хотя бы для себя. — А мне и так сойдет. — Вот войдут сейчас пацаны и увидят твои джунгли.

Мы, как по команде, отпрянули от дверей. Серега впопыхах не успел тормознуть ее, и та шмякнулась о косяк. Со страху нам показалось, что гром ударил среди ясного неба (то есть сауны). Ну все, спалились — стучало в висках. Мы бегом уселись на свои места, на ходу записываясь бутербродами.

Через несколько минут появились мамы. Серегу вдруг заинтересовал какой-то узор на потолке, у меня проснулся интерес к разглядыванию большого пальца на левой ноге.

— О, они тут лопают по полной программе. Задержишься мы подольше — и только тарелку облизали бы — где-то сверху доносился голос тети Светы. — Хорошо, что на стол все выставили — отозвалась мама.

Мы и не заметили с перепугу, что наминали уже по третьему бутрику. Замерев с полуоткрытым ртом, я со страхом поднял глаза на тетю Свету и маму. Они стояли, как ни в чем небывало, придерживая свои простыни одной рукой, другой потянулись за оставшимися бутербродами. Они уселись на диван на свои обычные места: тетя Света напротив меня, мама — напротив Сережки. — Фу-у-у. Пронесло.

Как на скатерти — самобранке, появились какие-то салаты и бутылка вина. «Ну прямь традиция уже» — промелькнуло в голове. Пили без тостов. «Для аппетита» — как говорила тетя Света. Все было как в прошлый раз, за одним маленьким исключением. Сейчас «тоги» из простыней на наших мамах длинной были не как мини-юбки, а скорее макси. А сидели они, плотно сжав колени, все время, поправляя свои простыни, достигавшие им до колен. Даже после выпитого вина они не теряли бдительность и что-то там увидеть под простынями, как мы не старались, было абсолютно нереально.

— Тут мы с тетей Ирой поспорили — вдруг произнесла Серегина мама и выжидающе глянула на мою. — Прекрати — недовольно парировала мама. — Но мы же договаривались — удивленно добивалась чего-то тетя Света. — Прекрати — еще тверже повторила мама и уткнулась в тарелку, давая понять, что не желает продолжать этот разговор. Воцарилась неловкая пауза. — Ну тогда в бассейн? — то ли утверждала, то ли спрашивала тетя Света. — Вы идите, я позже. Что-то плохо мне. Зря мы Светка с тобой выпили перед сауной. «Ах вот оно что — оказывается мамашки уже приняли на грудь до этого» — догадался я. — Ну так сходи в туалет и два пальца в рот — безцеремонно предложила тетя Света. Мама осуждающе глянула в ее сторону. Тут они с Сережкой резко встали, и двинулись в направлении двери. — Ты идешь? — тетя Света явно обращались ко мне. Я подумал, что сейчас оставить маму одну в таком состоянии было бы предательством с моей стороны. — Я еще не закончил трапезу — сострил я, радуясь, что нашел повод отказаться.

Хлопнула дверь — и мы с мамой остались одни. Она подняла глаза и улыбнулась в знак благодарности. Лицо ее побледнело — ей и взаправду было дурно. — Может и в самом деле в унитаз? — предложил обеспокоенно я. — Да я и сама думала. Но не при Сережке же? А тут Светка еще со своей безпардонностью.

Мама встала и направилась к туалету. Вышла она через минут десять порозовевшая и явно повеселевшая. — Все. Никакого спиртного больше в сауне. — резко отрезала она, отодвигая стакан с недопитым вином.

Тут дверь распахнулась и вошла Сережкина мама. — Ну как тут моя подруженька — явно извиняющимся тоном произнесла тетя Света, усаживаясь рядом с мамой и обнимая ее за

плечи. — Да вроде ничего. Все, Светка — никакого алкоголя больше в сауне. — Нет, нет — ни грамульки. Трезвый образ жизни. — Ты бы сходил к Сереже, Он тебя в сауне ждет.

Попарьтесь, потренируйтесь, а я с мамой посижу — обратилась тетя Света ко мне.

Я вопросительно посмотрел на маму. Еле заметно, она кивнула головой и улыбнулась. И так хорошо стало после ее улыбки. Ну, слава Богу, значит с ней все в порядке.

Сергея молча сидел на нижней полке, свесив ноги. — Ты сам? А где мама? — Осталась вместе с моей. — Ну наконец то. Я уже запарился в этих плавках. Одним быстрым движением Серега стянул с себя плавки и взобрался на полку. — Бери веник, Чего ждешь?

Я, не долго думая, тоже стянул плавки. Нахлынуло, ранее незнакомое, странное чувство свободы и легкости. Да, что-то в этом было. Первобытно-животное, необузданное, распирающее грудь, ощущение свободы. Так наверное лошади себя чувствуют, когда после зимы, проведенной в конюшне, весной впервые вырываются на сочное пастбище.

Класс было промчаться по сауне, шлепая босыми ногами по кафельному полу и с разбегу на «бомбочку» прыгнуть в бассейн. «Кроль», «по-морскому», «на спине». Мы наяривали и наяривали вдоль бассейна. Особенно прикольно было плыть на спине, наблюдая, как из воды периодически выглядывал твой член, словно перископ.

За своими играми мы и не увидели, как в сауну вошли мамы. Заметили мы их, когда те уже стояли у края бассейна. Мы как по команде замерли по стойке «смирно». Вот только руки вытянулись не по швам, а скрестились спереди, закрывая нашу «гордость». Гордится, правда, нечем было. В холодной воде там можно было что-то рассмотреть только под микроскопом, да и тусклое освещение не особо способствовало.

— Отвернулись живо — без эмоций скомандовала тетя Света.

Мы повиновались, и лишь услышав два громких всплеска воды — обернулись. И тут Серега решил в очередной раз вы... ться — и плавно, красиво выгнув тело, нырнул в сторону мам. Белоснежная попа, как поплавок, мелькнула над водой.

— Э нет, нет, нет. Так не пойдет — завопила тетя Света, нащупывая Серегину голову под водой и со всей силы, отталкивая его от себя. — Вы это чего без трусов? Ану ка давайте наверх. Мойтесь и ждите нас в раздевалке. Мыло и шампунь мы принесли — на скамеечке найдете. — строго глянула в мою сторону мама.

Установив новый рекорд скорости, мы выскочили из бассейна и принялись намывливать свои тела. Стояли, естественно, спиной к бассейну, но не упускали возможности заглядывать через плечо. Они там плескались как дети, попы их незагоревшие, между прочим, тоже изредка мелькали над водой — а нам значит нельзя. Какая-то детская обида начала сосать «под ложечкой».

Закончив помывку, и накинув простыни, мы поплелись в раздевалку. Плюхнувшись в кресло — сразу потянулся за бутербродом. «Вот, специально, все сожрем, чтобы вам ничего не досталось» — сладкая мысль о мести грела душу. Вдруг, не сговариваясь, глянули друг на друга... и рынулись к дверям.

Бл-и-и-н, Серега опять опередил, заняв козырное место снизу. Шум льющейся воды, вот что мы первым услышали, приоткрыв заветную дверь. «Они моются» — пронеслось в голове. Душ то был в каких-то двух метрах от двери, а значит и от нас. Запретный плод был так рядом — казалось, протяни руку, и можно дотронуться до настоящей женской плоти. Серега боялся открыть дверь пошире, чтобы не спалиться — соответственно ракурс был не самым удачным. Чьи-то намыленные спины, попы мелькали перед глазами. Я уже и различал с трудом — где

чье? Все менялось как в калейдоскопе. Конце концов, удалось сосредоточиться на чьей-то дальней полусогнувшейся фигуре. Казалось, это тетя Света. Да, точно — она. Поставив ногу на скамеечку, она намывливала лодыжки. Льющаяся вода заслоняла все как в тумане. Я опять позавидовал Сережке. Может снизу он что-то и видел, в отличии от меня.

Вдруг весь обзор закрыла чья-то намыленная попа. Конечно мамина — больше некому, ведь тетя Света стояла подальше. Я даже не понял что произошло. Верхняя часть маминого туловища резко пропала, и вместо этого, две мокрые ягодицы еще ближе подались в мою сторону. До меня наконец (или на «конец») дошло — мама, согнувшись, начала мыть нижнюю часть своих ног. Согнувшись, это мягко сказано — она практически «переломалась» пополам.

От увиденного челюсть просто отвисла. Две белые полусферы чуть раздались в стороны, обнажая коричневую полоску между ними. Взгляд прикипел к бутончику ее ануса, окруженному маленькими, еле заметными волосками, которые книзу становились гуще и прикрывали самое сокровенное. Вот оно, цель всех эротических фантазий и сновидений. Два толстых валика с призывно торчащими тоненькими полосками внутренних губок, скрывающиеся где-то между плотно сжатых ног. Намокшие волосы и мыльная пена на них совсем не мешали обзору. Мозг с фотографической точностью фиксировал каждое мгновение, каждую черточку, каждый волосок маминой... Даже не хочется употреблять всеми заезженные, старые, грубые слова. Это скорее было из разряда произведений искусства, верней произведений природы. Притом — лучших ее произведений.

В районе яичек стало нарастать знакомое щекотание и сладостной негой подыматься выше. «Вот еще конфуза не хватало» — пронеслось в воспаленном мозгу. Усилием воли, закрыв глаза, я отпрянул от щели и прижался к холодной стене. Серега тоже грузно опустился на пол, и осторожно прикрыл дверь. Мы дышали, как после стометровки. Простыни наши вздыбились и темные влажные пятнышки указывали на то место, где головки соприкасались с материей. Усевшись молча в кресла, принялись за недоеденные бутерброды. Челюсти мерно жевали, а мозг переваривал все увиденное.

Домой шагали, каждый погружен в свои мысли. Но обое знали точно, что через несколько часов, в тишине ночной спальни мы будем раз за разом прокручивать сегодняшние впечатления, общаясь «тихо сам с собою».

На этом можно было бы и закончить. Но